

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:316.6

СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА: ЦЕННОСТНЫЙ И РОЛЕВОЙ КОНТЕКСТЫ

© Н.Е.Варшавская, Н.А.Кочергина

В статье исследуются социальная и культурная дистанции как субъективно воспринимаемое расстояние между группами. Предпринята попытка выявления степени близости семейных ценностей и ролевого поведения этнических групп, проживающих на территории Алтайского края.

Ключевые слова: социальная и культурная дистанции, семейные ценности, семейные роли.

Алтайский край можно отнести к поликультурным регионам, так как на его территории проживают представители более 140 национальностей, относящиеся к различным культурам: этническим, поселенческим, демографическим. Как отмечает Н.М.Лебедева [1], на территории России много исторически сложившихся поликультурных регионов, где веками жили представители разных этнических и культурных групп. Живущие в этих регионах народы, с ее точки зрения, можно рассматривать как единую систему этнических групп, как некий надэтнический социальный феномен.

В постперестроечные годы в регион Алтайского края влилось большое число разноэтничных мигрантов, возросла экономическая активность выходцев из Кавказа, Средней Азии, а в последние годы – Китая. Все это становится фактором несбалансированности сложившейся системы этнических групп. Проведенные нами исследования показывают высокие показатели неприятия некоторых этносов из миграции «новой волны» [2]. Представители этих этносов наиболее экономически активны на территории Алтайского края и республики Алтай, что дает основание для определения «этнической экономики» как фактора межгрупповой дифференциации и интолерантности. Однако, на наш взгляд, существующая в регионе надэтническая социально-культурная общность способна, вобрав и переработав новые этнокультурные элементы, восстановить свою устойчивость.

Обсуждение этого вопроса требует обращения к проблеме культурных границ, культурной дистанции между представителями разных этносов. Под культурной дистанцией чаще всего понимаются различия в «системе ценностей, значений, эталонов действия, моделей желаемого поведения» [3: 127]. По мнению Л.М.Дробижевой [3], понятие культурную дистанцию можно только

рассматривая ее комплексно – в историческом, социальном и политическом контекстах. С этой точки зрения, культурная дистанция включает в себя не все элементы культуры, а те из них, которые имеют дистанцирующий смысл в конкретных политических и экономических условиях. В сфере широких межэтнических контактов – прежде всего в производственной, а также непосредственно трудовой деятельности людей различных культур в многонациональном коллективе – можно наблюдать сближение культурных норм и установок, поскольку эти сферы представляют собой достаточно унифицированную область культуры. Интересно в этом отношении исследование Г.У.Солдатовой, проведенное в конце 80-х гг. на девушках русской, осетинской, ингушской и чеченской национальностей, совместно трудившихся в студенческом стройотряде. Исследователь отмечает позитивный сдвиг образов воспринимаемых этнических групп, который происходил на основе изменения качественных критериев межэтнического восприятия в процессе совместной деятельности. Фокусом восприятия друг друга стали не этнические стереотипы, а «деятельностные» параметры [4: 87].

На восприятие культурной дистанции влияют особенности совместного исторического прошлого, знание языка и культуры соседних этносов, статус партнеров и наличие у них общих целей в межкультурном общении. Поэтому субъективно культурная дистанция может восприниматься как более далекая или близкая, чем она есть на самом деле. Расхождения между ценностными структурами групповых этнических идентичностей – один из факторов восприятия культурной дистанции. Многие исследователи подчеркивают, что этносы имеют значительно больше культурных различий в сфере досуговой и семейно-бытовой деятельности [5].

Поскольку дистанция между народами определяется не только культурными, но и политическими, демографическими, экологическими и другими факторами, корректнее говорить о социальной и культурной дистанциях. Измерение социальной и культурной дистанций осуществляется с помощью различных шкал, наиболее широко известна среди них шкала Э.Богардуса. Богардус сформулировал список из семи суждений, отражающих различную степень социальной дистанции. При опросе респонденты отмечают то суждение, которое соответствует допускаемой ими близости с членами заданной группы.

При исследовании русских по шкале Э.Богардуса наибольшая социальная дистанция (из этносов совместного проживания) была зафиксирована с коренными народами Алтая (средний показатель – 5 из семи возможных, при стандартном отклонении – 1,49) и народами Кавказа и Закавказья (средний показатель – 4,4, при стандартном отклонении – 2,03).

Социальная дистанция трактуется в психологии вслед за Г.М.Андреевой через перцептивную сторону общения, включающую взаимные установки групп, авто- и гетеростереотипы, межгрупповую аттракцию. Таким образом, социальная дистанция – это «воспринимаемое» расстояние между группами. Существует ли оно на самом деле – в ценностях, установках, ролевом поведении этнических групп? На этот вопрос мы хотим ответить, проанализировав семейные ценности и структуру семейных ролей в разноэтнических семьях, проживающих на территории Алтайского края. Именно специфику семейно-бытовой деятельности исследователи признают наиболее культурноотличительной в разных этносах.

Для исследования мы выбрали представителей коренной (кумандинцы), переселенческой (русские) культур и этническую группу из наиболее поздних миграционных потоков на территорию края (азербайджанцы). Это те группы населения, социальную и культурную дистанции с которыми русские воспринимают как «далекую». В качестве респондентов выступили семейные пары: по 25 кумандинских, русских и азербайджанских моноэтнических семей. В составе выборки семейных групп по параметру «семейный стаж» 80% составляют семьи среднего супружества, 20% – молодые семьи. При подборе азербайджанских пар учитывался фактор времени проживания на территории региона. Семьи среднего супружества проживают в Алтайском крае не менее 20 лет, супруги из молодых семей – с детства. В выборку не вошли семьи, которые не

удовлетворяли требованиям исследования: неполные семьи (в составе семьи – один из родителей); семьи, в которых воспитанием детей занимались бабушки и дедушки; семьи, в которых родительские функции, наряду с родными отцом или матерью, выполняли отчим или мачеха, а также семьи, в которых не было детей.

В ходе нашего исследования мы предприняли попытку выяснить, имеется ли надэтническое, надкультурное единство соционормативных характеристик в сфере семейного функционирования.

Во многих социологических и психологических исследованиях (А.И.Антонов, И.В.Гребенников, А.Г.Харчев, Э.Г.Эйдемиллер, В.В.Юстицкис и др.) приоритетной признается хозяйственно-экономическая функция семьи, так как одной из наиболее важных проблем, решаемых семейной группой, является проблема создания условий для осуществления базовых потребностей личности.

Используя методику В.С.Торохтия «Семейные ценности» [6], мы предложили респондентам отметить значимые ценности, характеризующие различные функции семьи, в том числе и хозяйственно-экономическую (в трактовке В.С.Торохтия – хозяйственно-бытовую). Они должны были проранжировать предложенные варианты направлений претворения в жизнь названной функции, указать желательность и реальность их исполнения в семье. Результаты обрабатывались при помощи методов математической статистики с использованием непараметрического статистического U-критерия Манна-Уитни.

Сходство семейных ценностей в понимании В.С.Торохтия представляет собой совпадение целей и установок, связанных с семьей и ее функционированием. В опроснике имеются шкалы: «желательность» и «реальность». «Желательность» рассматривается как степень ожидания возможного активного выполнения бытовых задач. Подшкала «реальность» отражает собственное активное участие в ведении домашнего хозяйства.

Наименьшую важность в плане ожидания реализации материально-бытовых потребностей у женщин – кумандинок и азербайджанок – приобретает стремление бережно относиться к одежде; у мужчин всех национальностей и женщин русской и кумандинской национальностей – покупка новых вещей; у мужчин-азербайджанцев также наименьшую важность имеет функция бережного отношения к одежде.

Значения, указывающие на важную роль данных показателей, демонстрируют, что у всех

респондентов независимо от их этнической принадлежности имеется потребность осуществлять заботу о близких людях, у кумандинок и азербайджанок значимую позицию занимает также желание организовывать семейные обеды, а у мужчин кумандинской и азербайджанской национальностей – желание благоустройства жилья. Респонденты ожидают, что именно эти потребности прежде всего будут воплощены в жизнь.

Что касается реального исполнения хозяйственно-бытовых установок, то только незначительное их число получает высокий коэффициент у представителей кумандинской национальности: новая покупка и бережное отношение к одежде, т.е. осуществление данных установок в сравнении с другими, наименее важно для респондентов. Причем обнаруживаются статистически значимые различия в соответствии с У-критерием Манна-Уитни ($U = 24$, при $p < 0,05$) у русских и азербайджанских женщин, с одной стороны, и кумандинских – с другой – к бережному отношению к одежде. Первые оказываются более бережливыми в реальном исполнении данной установки. Большинство же потребностей в хозяйственно-экономической деятельности семьи реализуются, по мнению испытуемых, недостаточно.

В целом можно сделать вывод об отсутствии сходства семейных ценностей супругов в осуществлении хозяйственно-бытовой функции. Сходство семейных ценностей (ССЦ) по данной функции у мужчин всех этнических групп достигает 0,34 баллов, у женщин – 0,28 баллов (при $\max = 1$), т.е. и мужчины, и женщины независимо от национальной принадлежности имеют различные ориентации в решении хозяйственно-экономических задач семьи. Вместе с тем показатели ССЦ внутри гендерных групп достаточно высоки. У мужчин они колеблются между 0,65 (русские / азербайджанцы) и 0,8 (русские / кумандинцы) баллами. У женщин это 0,78 и 0,73 соответственно. Таким образом, можно сделать вывод о сходстве структуры семейных ценностей в трех исследуемых этнических группах.

Выявленные установки и ценности находят свое воплощение в реализации семейных функций. В современной психологии семьи особенности исполнения семейных функций связывают с тем, каким образом каждый из членов семьи, прежде всего муж и жена, играют семейные роли. По представлению Л.Б.Шнейдер [7], само понятие семейной роли как конкретизация социальных ролей мужа, жены, матери, отца, детей и т.д. является по сути социологическим. Базируясь на нем, социальные психологи могут охарак-

теризовать личностный тон, в который окрашивается исполнение семейной роли в своем конкретном проявлении. Социальная роль понимается как функция социальной системы, модель поведения, объективно заданная социальной позицией личности в системе объективных или межличностных отношений.

Генеральной ориентацией в разделении мужских и женских семейных ролей и в западной, и в отечественной культуре считается линия «семья – производство». В традиционных культурах, к которым относятся все исследуемые этносы (хотя они и занимают разное положение в дихотомии «традиционализм – модернизм»), от мужчины ожидается, чтобы он добился высокого уровня профессионализма, имел стабильную работу и достойный заработок. К семье он может относиться как к второстепенной ценности по сравнению с карьерой профессионала. Женщине же приписывается ответственность за дом, семью, детей. Она может стремиться к карьерному росту в своей профессиональной деятельности в том случае, если это не является помехой ее основному предназначению – быть женой и матерью. Из подобной полоролевой дифференциации складывается и стандарт распределения обязанностей в семье. На мужчину возлагается ответственность за материальное обеспечение семьи, на женщину – за воспитание детей и ведение домашнего хозяйства.

Мы попытались выяснить, характерны ли подобные представления для участвовавших в исследовании супругов. Сведения об отношении респондентов к различным семейным функциям были получены при помощи «Методики выявления представлений супругов о ролевой структуре их семьи» (Ю.Е.Алешина, Л.Я.Гозман, Е.М.Дубовская) [8]. Авторы методики выделили семь основных внутрисемейных ролей, наиболее полно, на их взгляд, характеризующих современную семью. К числу таких ролей прежде всего отнесены роль ответственного за материальное обеспечение семьи и распределение ролей «хозяин» – «хозяйка». Каждой роли в методике соответствуют определенные вопросы, которые и образуют шкалы. Обработка результатов сводилась к подсчету, в какой степени та или иная роль осуществляется мужем (женой). Чем выше балл, тем в большей степени данная роль исполняется женой, чем ниже, тем больше реализуется мужем.

Так, по шкале «материальное обеспечение семьи» у русских и кумандинцев определены величины, близкие к срединным значениям (1,7 баллов), такой же показатель получен при обработке результатов, касающихся азербайджанских женщин, что интерпретируется следующим об-

разом: данная роль в несколько большей степени принадлежит мужчине, в целом же эту роль оба супруга реализуют приблизительно в равной степени. Мужчины-азербайджанцы роль ответственного за материальное благополучие семьи в большей степени приписывают себе (1,4 балла).

Качественная характеристика шкалы «роль хозяина/хозяйки» показывает, что данная роль включает в себя выполнение обязанностей по дому, траты материальных ресурсов семьи и т.п. В целом по данной шкале мы имеем результаты, свидетельствующие о том, что роль «хозяйки» в семьях кумандинцев и русских в большей степени приписывается женам (3,2 балла и 3,1 балл соответственно), мужа в обеих этнических группах роль «хозяина» реализуют в меньшей степени. В азербайджанских семьях по данной шкале были определены средние значения в мужской и женской выборках (2,4 и 2,3 соответственно), т.е. мужчина и женщина разделяют эту роль в семье. Судя по полученным данным, этому способствует высокая степень согласованности распределения семейных ролей по сферам.

Используя методику Ю.Е.Алешиной «Тест измерения установок в семейной паре» [8], по шкале «ориентация на преимущественно раздельную или преимущественно совместную деятельность, на автономность супругов или зависимость супругов друг от друга» мы получили следующие результаты: в целом независимо от национальности у женщин более выражена ориентация на совместную деятельность, чем у мужчин во всех сферах семейной жизни. Самый высокий балл по выборке (3,4) получен при оценке результатов в группе женщин кумандинской национальности.

Данные по шкале «отношение к деньгам» свидетельствуют о бережливости кумандинских женщин (среднее значение 2,8 баллов), русские и азербайджанские мужчины и женщины считают возможным осуществлять траты в соответствии с потребностями, легче всего склонны тратить деньги мужчины, представители кумандинского этноса (2,08).

Шкала «отношение к патриархальному или эгалитарному устройству семьи» показывает ориентацию супругов на традиционные представления о семье. Укажем, что с хозяйственно-экономической функцией связан вопрос и о главенстве в семье. Критерий распределения домашних обязанностей супругами является основанием выделения традиционного и эгалитарного типа семей. Причем в традиционных семьях роли и обязанности между мужем и женой могут жестко распределяться по взаимной договорен-

ности или в соответствии с нормами, предписанными половыми ролями.

В эгалитарной семье распределение ролей по исполнению хозяйственно-экономической функции основано на относительном равенстве вкладов супругов в повседневную бытовую деятельность, на позиции разделения ответственности за выполнение функций семьи.

Результаты исследования показали, что и у женщин, и у мужчин исследуемых этносов прослеживается преобладание ориентаций на ценности эгалитарного устройства семьи. Установки на равноправное распределение обязанностей в семье больше выражены у женщин, чем у мужчин. Так, у женщин средние значения колеблются между 2,77 и 2,80 баллами, при максимально возможном значении по этой шкале 4 балла. У мужчин всех национальностей средние значения несколько ниже, чем у женщин (кумандинцы – 2,58; азербайджанцы – 2,54; русские – 2,65 баллов), однако эти результаты также свидетельствуют о тенденции к эгалитарному распределению ролей в бытовой сфере, демократической структуре лидерства в семье, т.е. об отсутствии представлений о жестком закреплении за супругами определенных ролей в соответствии с их полом.

Таким образом, полученные при помощи «Методики выявления представлений супругов о ролевой структуре их семьи» данные входят в противоречие с результатами предыдущих исследований («Семейные ценности» и «Методика выявления представлений супругов о ролевой структуре их семьи»). Продолжая в своих установках во многом ориентироваться на усвоенные в процессе социализации патриархальные ролевые стереотипы, в реальном поведении респонденты актуализируют более модернизированные ролевые модели, соответствующие современному образу жизни.

Подводя итоги, можно констатировать, что в структуре семейных ценностей трех исследованных этносов Алтайского края, имеющих в восприятии русских респондентов наиболее «дальнюю» социокультурную дистанцию, отмечается много общего.

В структуре семейных ценностей наибольшее значение для испытуемых всех национальностей имеет потребность осуществлять заботу о близких людях. Мужчины и женщины независимо от национальной принадлежности имеют различные ценностные ориентации в решении хозяйственно-экономических задач семьи. Различия, фиксирующиеся в семейных ценностях, носят чаще гендерный, чем этнический характер.

Семейные ценности имеют тенденцию к реализации в ролевом поведении супругов. Роль ответственного за материальное обеспечение семьи, судя по ответам испытуемых, исполняется обоими супругами приблизительно в равной степени. Только в представлениях мужчин азербайджанской национальности эта роль в большей степени принадлежит мужу. Роль «хозяин / хозяйка» русские и кумандинские мужчины и женщины приписывают женщинам. По представлениям азербайджанских респондентов, эта роль в семье должна разделяться между мужчиной и женщиной. Этому соответствует и большая согласованность в распределении семейных функций между супругами в азербайджанских семьях. Вместе с тем у представителей всех этносов отмечена тенденция к предпочтению ценностей эгалитарного типа семьи. При этом женщины обнаруживают большую приверженность эгалитарным ценностям. Среди мужчин большая ориентация на ценности патриархальной семьи выявлена у азербайджанцев.

Таким образом, можно сделать вывод, что длительное совместное проживание исследуемых этносов привело к сближению семейных ценностей и сходству в их поведенческой реализации семейных ролей. Наибольшая близость при этом обнаруживается в установках русских и кумандинских респондентов. Азербайджанцы, имеющие более короткий опыт совместного проживания, но окруженные более многочисленным титульным этносом, обнаруживают тенденцию к адаптации к существующим в окружающей их культуре ценностям. При этом они ощущают социокультурную дистанцию с русскими как более близкую (средний показатель – 2,6, при стандартном отклонении 0,84).

Наше исследование показало, что социальные и культурные границы пролегают прежде всего в сознании людей, опираются на укоренившиеся стереотипы, установки, а иногда и предрассудки, и имеют мало общего с реальным положением вещей, которое фиксирует надэтническое, надкультурное единство соционормативных характеристик в сфере семейного функционирования. Социоэтническая система региона, пережив включение в нее мигрантских волн, вос-

становливает свое единое культурное пространство.

Семья, являясь наиболее консервативным институтом общества, тем не менее тесно связана с изменяющимися политическими, социальными, этическими условиями жизни людей. Российское общество в целом находится на этапе модернизации жизни во всех ее сферах. Российская семья, принимая эгалитарные ценности, движется по пути установления равенства вкладов супругов в повседневную бытовую деятельность и разделения ответственности за выполнение функций семьи. Этой тенденции подвержены семьи разных этносов, включенных в региональную культуру Алтайского края.

1. *Лебедева Н.М.* Социально-психологические проблемы аккультурации мигрантов из республик Северного Кавказа и Закавказья в мегаполисе // Миграционные процессы и проблемы адаптации: Монография / Отв. ред. В.В.Константинов. – Пенза: ПГПУ им. В.Г.Белинского, 2009. – С. 97 – 124.
2. *Варшавская Н.Е.* Этническая и гражданская идентичность как факторы психологического здоровья // Человек и общество: проблемы взаимодействия: Материалы II Международной научно-практической конференции / Под ред. Л.В.Соколовой. – Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2009. – Часть 2. – С. 245 – 251.
3. *Дробижеева Л.М.* Социальная и культурная дистанция: Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН; Авт. проекта и отв. ред. Л.М.Дробижеева. – М.: Институт социологии, 1998. – 385 с.
4. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
5. *Беспалов А.М., Кочергина Н.А., Прудникова М.М.* Современная кумандинская семья: к вопросу о сохранении и воспроизводстве национальной культуры (по материалам социально-психологического исследования) // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – 2009. – № 3. – С. 89 – 93.
6. *Торохтий В.С., Прохорова О.Г.* Психологическое здоровье семьи. – М.: Издательско-полиграфический центр «КАРО», 2009. – 160 с.
7. *Шнейдер Л.Б.* Психология семейных отношений. – М.: Апрель-пресс, 2000. – 512 с.
8. *Диагностика семьи: методики и тесты* / Под ред. Д.Я.Райгородского. – Самара: Издательский дом БАХРАХ, 2004. – 738 с.

FAMILY IN A MULTICULTURAL REGION: AXIOLOGICAL AND ROLE CONTEXTS

N.E.Varshavskaya, N.A.Kochergina

The article explores social and cultural distance as distance between ethnic groups in their subjective perception. An attempt is made to reveal the degree of closeness of family values and the role behavior of ethnic groups living in the Altai Region.

Key words: social and cultural distance, family values, family roles.

* * * * *

Варшавская Надежда Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии Алтайской государственной академии образования им. В.М.Шукшина.

E-mail: nadia-w@list.ru

Кочергина Надежда Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии Алтайской государственной академии образования им. В.М.Шукшина.

E-mail: nako2312@mail.ru

Поступила в редакцию 14.01.2013